

Константин РУДНИЦКИЙ

ПИСЬМА И.И. ШНЕЙДЕРМАНУ

1

22 ноября 1962

Дорогой Исаак Израилевич!

Не знаю, как благодарить Вас за Ваше письмо. Оно застало меня в состоянии очередной – не то, чтобы депрессии, а какой-то растерянности. Циклично приходит ко мне ощущение бессмысленности всего, что я делаю, раздражение против самого себя, отвращение ко всякому «тексту», мной написанному. А тут еще Институт с его непреходящим бедламом, постоянной бестолочью... И вдруг – Ваше письмо, которое заставило меня снова поверить, что в работе есть все же смысл¹.

Главное, мне очень повезло, что Вы прочли книгу с запозданием, когда я сам о ней и думать забыл. И еще повезло, что Вы оказались так умны и добры, что написали тогда, когда прочли. Выяснилось (для меня!), что радость читать похвалы (которые я все равно полностью принять не могу) – читать их, зная, что за ними нет никакого расчета, никакой обычной этикетной вежливости – огромна. Я такой радости, честно Вам говорю, никогда еще не испытывал, ни разу не случилось. Всегда можно было так или иначе объяснить похвалу, найти ей мотивы, пусть даже самые хорошие, но проистекающие не из самой работы, а – мало ли откуда?..

Так что было бы ужасно, если бы Вы не отправили это письмо.

И еще – Вы понимаете, конечно, что главное тут и – все решает – то, что это Ваше письмо. Вы – один из

немногих людей, у которых я издали учусь. Больше ничего не добавлю, чтобы Вы не думали, что это – «ответные» комплименты.

Спасибо Вам огромное.

Скажите Инне Карловне², что я шлю ей самый сердечный привет и желаю вам обоим только добра.

Ваш К. Рудницкий

22 ноября 1962.

2

27 ноября 1969

Дорогой Исаак Израилевич!

Хочу во-первых Вас сердечно поблагодарить за добрые слова о начале моего сочинения³, и, во-вторых, остановить: не посылайте книгу милейшей и очаровательной Марджори Хувер⁴. Она всех тут обаяла, и ей уже послали по меньшей мере два экземпляра: один – А.В. Февральский, другой – одна дама из библиотеки ВТО. Так что не тратьте деньги зря!

Инне Карловне мой самый низкий поклон. Таня⁵ шлет Вам приветы.

Будьте здоровы и не завидуйте мне даже по-хорошему: если бы Вы знали, сколько мне пришлось мучиться и нервничать пока эта книга вышла... Я просто извелся!⁶ Слава Богу, теперь все это позади, а если ее обругают печатно непечатными словами, я огорчаться не стану.

Ваш К. Рудницкий

27.XI. 69.

3

20 мая 1970

Дорогой Исаак Израилевич!

Сильно опасаясь, что, утомленный обсуждением и впавший

¹ Письмо вызвано откликом Шнейдермана на книгу Рудницкого «А.В. Сухово-Кобылин. Очерк жизни и творчества», вышедшую в свет в 1957 г. В Институте истории искусств (ныне ГИИ) Рудницкий с начала 1960-х годов возглавлял работу над шеститомником «История советского драматического театра. 1917–1967».

² Инна Карловна Кlich – жена И.И. Шнейдермана.

³ В середине ноября 1969 г. вышла в свет книга Рудницкого «Режиссер Мейерхольд».

⁴ Марджори Хувер – американская исследовательница творчества Мейерхольда.

⁵ Таня – Т.И. Бачелис, жена К.Л. Рудницкого.

⁶ О трудностях, сопровождавших выход книги, рассказал годы спустя по просьбе мейерхольдовской комиссии А.В. Стерлигов, заведовавший в 1960-х гг. редакцией истории искусств издательства «Наука» (см.: Театральная жизнь, 1989, № 5, с.20).

⁷ В мае 1970 г. в ленинградском отделении ВТО состоялось обсуждение книги «Режиссер Мейерхольд». См. письмо Шнейдермана от 9–11 февраля 1977 г.

⁸ Н.А.Абалкин долгие годы руководил отделом литературы и искусства газеты «Правда».

Мейерхольдовские чтения

в транс «головокружения от успеха», я не сумел как следует – и как чувствую – поблагодарить Вас за Вашу добрую, блестящую и бесконечно для меня интересную речь⁷. Если мои зыбкие надежды на второе издание книги когда-нибудь осуществляются, то Вы убедитесь в том, что Ваши мысли запали в мое сознание и что я во всяком случае попробую сделать шаг навстречу тем новым сложностям, на которые Вы указываете. Вообще там еще нерешенных проблем пропасть, и, может быть, нашему поколению их все решить так и не удастся... А пытаться все же надо. Жаль только, что время движется «не туда», и тупое рыло Абалкина⁸ высовывается все чаще...

Вы знаете, что моя жизнь – как и жизнь любого из нас – не была усеяна розами⁹. Поэтому я считаю, что в Ленинграде на этом обсуждении мне крупно и неожиданно повезло. Впервые удалось почувствовать какую-то эмоциональную реальность сделанного.

И за это тоже я Вас от всей души благодарю!

Инне Карловне мой самый сердечный привет.

Ваш К. Рудницкий
20.V. 70

4

28 октября 1976

Дорогой Исаак Израилевич!

Спасибо Вам большое за серьезный и теплый отзыв о моей статье¹⁰. Ваше мнение для меня особенно важно: я прекрасно знаю, что Вы – читатель строгий и требовательный. Кроме того, статья эта проходила со скрипом и скандалами: Вы ведь знаете, что такое Евг. Сурков, он то восторгался, то приходил в ужас (в зависимости от очередной фразы какого-нибудь Ермаша)¹¹,

порывался вписывать мне какие-то кретинские абзацы о «фрейдистских мотивах» (!!), я заявлял, что снимаю статью, ну, и прочее, Вам понятное. А так как я все лето болел, то вся эта эпопея сильно меня измучила. Кое-что важное и социально-острое он все же вычеркнул, но вставить я ему не позволил ни одного слова. И все же, как всегда бывает после таких передраг, я сам не понимал уже, получилась ли в итоге статья. Вы меня успокоили, так как я Вам очень верю.

Хочу специально Вас попросить: в №№ 11 и 12 «Театра» будет моя большая статья о «Лесе» Мейерхольда – будьте добры – прочтите¹². Дело в том, что это фрагмент из совсем новой книги о Мейерхольде (для серии «Жизнь в искусстве»), и мне было бы очень важно знать, какое она произведет на Вас впечатление.

Передала ли Вам милая Светлана Фрумкина, что меня восхитила и обрадовала Ваша публикация о «Маскараде» 1938 года? Надеюсь в работе над книгой ею непременно воспользоваться, читал и Ваше предисловие, и самый текст стенограмм с огромным интересом¹³.

Хотя и с книгой, конечно, как всегда, предстоит отчаянная морока. Договора нет. Вся затея держится на разговорах («джентльменское соглашение», а где они, джентльмены?!), и всякий раз мне сообщают, что объем должен быть все меньше и меньше: сперва говорили о 35 листах, потом о 30, потом о 25-ти... А будет у меня, наверно, 40... Так вот мы и живем, – на авось и наудачу!..

Поправляйтесь скорее и радикальнее! Не огорчайтесь, что не видели Висконти: это далеко не лучший его фильм, поверьте.

⁹ В 1949 году в разгар кампании против космополитизма Рудницкий был изгнан из редакции газеты «Советское искусство». См. его статью «Сорок девятый. Автобиографические записки», опубликованную в журнале «Театр» (1988, № 8) и вошедшую в книгу «Театральные сюжеты» (М., 1990). См. также выдержки из дневников Рудницкого за 1948–1951 годы в обзоре Н.Р. Балатовой «Из архива театрального критика» // Театральная периодика в России. М., 2009. С. 83–93.

¹⁰ О событиях весны 1968 года, когда Рудницкому, одному из «подписантов» (подписавшему коллективное протестное письмо в вышние инстанции), грозило исключение из партии и увольнение из института, см. в кн. Н.Г. Шахназаровой «Избранные статьи. Воспоминания» (М., 2013).

¹¹ Статья Рудницкого «Уроки нравственности» о фильме И.А. Авербаха «Чужие письма» напечатана в журнале «Искусство кино» (1976, № 9).

¹² В 1970 г. Е.Д. Сурков был главным редактором журнала, Ф.Т. Ермаш – завсектором кино Отдела культуры ЦК КПСС.

¹³ Статья называлась «Лес» Мейерхольда: замысел, структура, значение» (Театр, 1976, № 11 и 12).

¹⁴ Имеется в виду публикация: «В.Э. Мейерхольд в работе над последним возобновлением «Маскарада». По страницам стенографических записей 1938 года. Сообщение И.И. Шнейдермана» // Наука о театре. Межвузовский сборник трудов преподавателей и аспирантов. Л., 1975.

Pro memoria

С Е.С. Добиным¹⁴ я не знаком, но передайте ему, что я – его постоянный внимательный и любящий читатель. Кроме того, передайте привет Вашей очаровательной, умной и ясной дочери.

Таня шлет Вам самый сердечный привет, мы оба желаем Вам полного возвращения к хорошей физической форме. Молодость нам не вернуть, но здоровье наладить все-таки можно, нужно только терпение и, главное – *плавность*. Запомните: это самое важное слово в жизни.

Ваш *К. Рудницкий*
28.X. 76.

5

18 ноября 1976

Дорогой Исаак Израилевич!

Во-первых, Ваша книжка о Чухрае не была неудачной¹⁵. Это – хорошая книжка. Просто сам Чухрай не оправдал Ваших ожиданий. (И общих). Начал интересно, а стал, увы, банален, глуп, официален etc.

Во-вторых, не удивляйтесь моей «продуктивности». Я просто графоман, и если не напишу за утро 3–4 странички, чувствую себя не в своей тарелке. Вампилов (моя статья) вызвал неожиданно много шума, но, по чести, я ею недоволен – там повторы, многословье, сейчас бы охотно сократил¹⁶. Но ее-то писал совсем больной, перемогаясь и скрипя... Вот «Лесом», не буду врать, доволен – и очень интересно, понравится ли Вам. Еще доволен статьей о Шукшине, которая должна выйти в «Искусстве кино», в № 2 или 3.

С материалами А.К. Гладкова (для меня – просто Саши...) я не знаком, хотя, конечно, в ЦГАЛИ, если бы я попросил, мне бы их показали. Но дело в том, что, во-первых, Саша сам – при жизни – мне их

показывать не хотел, хотя вообще-то был очень добр ко мне, всю мою рукопись прочел и сделал на полях сотни полезных пометок и прислал мне много писем с очень важными и хорошими советами. И так как сейчас действительно идут разговоры об издании написанного им (он говорил мне незадолго до смерти, что довел биографию Мейерхольда до 1902 года, до его ухода из МХТ), то мне, я думаю, лучше ничего этого не знать и не видеть¹⁷.

Есть и другая причина: я изнемогаю не от недостатка материала, а от чрезмерного его обилия. И не могу втиснуть в книгу многое, чем располагаю. Так что в архивы сейчас вообще не заглядываю: просто боюсь наткнуться на что-нибудь новое. Добин прав: классик необъятен, и после меня многие еще будут писать о Мейерхольде, и дай им Бог!

А.П. Мацкин пишет не только о Гоголе и Мейерхольде, но, как я понял, вообще о Гоголе и театре. И у него закончена книга об Орленеве¹⁸.

А Вам – непременно надо писать. И не один «этюд», а – серию этюдов, из которых составитя книга. В ней должны быть облики всех тех мастеров, которые на протяжении жизни произвели на Вас сильное впечатление. Дарю Вам название: «Лица».

Я направил к Гале Вашей американку Альму Лоу¹⁹, очень хорошую женщину, которая занимается Мейерхольдом (серьезно и тщательно) и которая хотела бы иметь Вашу публикацию о «Маскараде». Надеюсь, Галя ее приветила и ей помогла.

Передайте Гале мой нежный привет. И – примите наши с Таней самые сердечные приветы.

Ваш *К. Рудницкий*. 18.XI. 76.

¹⁴ Е.С. Добин, кинокритик.

¹⁵ Книга Шнейдермана «Г. Чухрай» издана в 1965 г.

¹⁶ Статья Рудницкого «По ту сторону вымысла. Заметки о драматургии А. Вампилова» напечатана в журнале «Вопросы литературы» (1976, № 10); в новой редакции вошла в книгу «Театральные сюжеты» (М., 1990).

¹⁷ После смерти А.К. Гладкова (1912–1976) вышли в свет его книги «Годы учения Всеволода Мейерхольда» (Саратов, 1979) и «Театр. Воспоминания и размышления» (М., 1980), подготовленные В.В. Забродиним.

¹⁸ Книга А.П. Мацкина «На темы Гоголя» (М., 1984) содержит три очерка: «Михаил Чехов – Хлестаков. 1921–1927», «Мейерхольд. Как создавался “Ревизор”. 1926», «Станиславский. Скрещение идей и судеб в “Мертвых душах”. 1932». Написанная Мацкиным биография П.Н. Орленева издана в серии «Жизнь в искусстве» (М., 1977).

¹⁹ Альма Лоу – американская исследовательница творчества Мейерхольда.

Мейерхольдовские чтения

6

20 декабря 1976

Дорогой Исаак Израилевич!

Показ «33 обмороков» у К.С. не состоялся, – это известно точно²⁰. Да и не удивительно, если учесть, как трудно было тогда вообще пробыться к К.С., которого жестко охранял «кабинет» (см. у Виноградской примечание к стр. 433 четвертого тома²¹). Мейерхольд неоднократно – и публично – жаловался, что ему легче снести с Гордоном Крэгом, чем с К.С.²² Даже личной встречи он в ту пору добился далеко не сразу и с большим трудом. *Но встречен был хорошо.* Думаю, отчасти потому, что К.С. делал это в пику Немировичу, с которым резко рассорился после «Мольера». Обратите внимание: с 75-летием Станиславского поздравили все, кроме Немировича.

Увы, я не смог побывать у Ваших ребят на семинаре – должен был возвращаться в Москву.

Сердечно поздравляю Вас и Галю с наступающим Новым годом. Дай Вам Бог здоровья! – остальное приложится.

Ваш К. Рудницкий

Таня Вас целует.

20.12. 76.

7

3 февраля 1977

Дорогой Исаак Израилевич!

Что же мой «Лес»?

Еще не прочитали?

Плохо себя чувствуете?

Не понравился?²³

Ну – Бог с ним, лишь бы Ваше здоровье шло на поправку.

У меня – просьба к Вашей Гале, прилагаю письмо для нее.

Мы с Таней целуем Вас.

Ваш К. Рудницкий

3.II. 77.

Милая Галя!

Есть у меня к Вам одна деликатная просьба. Несколько лет тому назад в итоге моих интриг из Киева в Ленинград переехала Наталья Борисовна Кузякина, доктор и профессор, а, главное, прекрасный человек: умная, кристально честная, прямая (может быть, чересчур), сердечная и живая. Работает у Юфита²⁴ и формально у нее все в порядке. Но то ли она показалась на ленинградском фоне слишком провинциальной внешне, то ли кого-то покорила ее прямота, экспансивность – не знаю. Но, так или иначе, вышло, что она в Ленинграде абсолютно одинока. Ни с кем, кроме сына (ему лет 20), и явно от этого страдает.

Я очень хотел бы, чтобы Вы – с Вашей ясностью и мягкостью – как-то вывели бы ее в люди. Чтобы Вы иногда приглашали ее в ВТО. Чтобы, может быть, когда-то куда-то еще ее позвали, – тем более, что она с восхищением отзывается о Вашем папе. Кажется, это – единственный человек в Ленинграде, который произвел на нее сильное впечатление, и она с восторгом рассказывала мне, как он вступился за какого-то аспиранта, которого хотели исключить из аспирантуры.

Это не означает, что я прошу Вас звать ее в гости, я ведь знаю, что И.И. болен, и ему – не до того. Я вообще конкретно не знаю, что тут можно предпринять, и просто надеюсь на Вашу инициативу, душевность.

Ее телефон домашний 250-25-61, живет она далеко, у черта на рогах.

Подумайте: я уверен, что какая-нибудь идея Вас осенит!

Заранее Вам благодарный

К. Рудницкий

3.II. 77.

²⁰ О желании Мейерхольда показать Станиславскому «в студии на Леонтьевском» один из водевилей Чехова известно из его письма Станиславскому от 25 марта 1935 г. (см.: В.Э.Мейерхольд. Переписка. М., 1976. С. 337–338).

²¹ В четвертом томе летописи И.Н. Виноградской «Жизнь и творчество К.С. Станиславского» (М., 1976) содержится одно из первых упоминаний в печати о возникшем в Художественном театре в конце 1920-х годов «нижнем кабинете», ограничивавшем доступ к Станиславскому.

²² Имеется в виду признание Мейерхольда, относящееся к 1929 году: «Нет другого города в мире, где была бы такая разобщенность между деятелями искусства как в Москве. Я говорю об этом по личному опыту. Мне легче снести с Гордоном Крэгом, который живет в Италии, чем со Станиславским, который живет в Москве» (Мейерхольд В.Э. Статьи, письма, речи, беседы. Ч. 2. М., 1968. С. 185).

²³ Шнейдерман ответил на эти вопросы письмом от 9–11 февраля 1977, см. с. 127 наст изд.

²⁴ А.З. Юфит заведовал в ЛГИТМИКе кафедрой истории и теории театра.

Pro memoria

8²⁵

23 февраля 1977

Дорогой Исаак Израилевич!

Ваше письмо очень меня обрадовало. Не только похвалами, которые сами по себе, конечно, приятны – что уж тут скрывать! – но и возражениями, о которых я буду думать и которые мне очень пригодятся, когда я буду заканчивать и шлифовать текст новой книжки²⁶. Кажется, я Вам писал, что вчерне она закончена и что издательство даже подписало договор со мной. Более того, рукопись послали на рецензию Мацкину, А.П. ее прочел, в целом вроде бы похвалил, но сделал мне около сотни частных замечаний, – думаю, две трети из них справедливы, а одна треть может быть отнесена за счет собственных пристрастий А.П., не вполне для меня убедительных. Он с какой-то личной ненавистью относится к «Рогоносцу», например, называя все это «китайщиной», бесчеловечным гошизмом и т.п. А я «Рогоносцем» все равно восхищаюсь...

Мне очень близка Ваша мысль о внутренней неизменности Мейерхольда, который, меняясь внешне, всегда все же оставался самим собою. Но мне по-прежнему трудно совместить эту именно мысль с мыслью о перманентном символизме его. Что делать: я не чувствую никаких символистских мотивов в «Лесе», в «Мандате», и даже в «Ревизоре». В «Маскараде» символизм ощутим как приправа, своего рода «специя» к романтизму, как способ навести мосты между Лермонтовым – прошлым и Блоком – нынешним. Но, возможно, тут уже дает себя знать моя личная неполноценность: все, что относится к сфере таких понятий,

как «реализм», «романтизм», «символизм» и т.п. всегда более или менее загадочно для меня... Теоретик я никакой, эмпирик – завязтый. И, как эмпирик, чувствую, что Маяковского, например, задело в «Лесе» – и оскорбило – русское. Или «мы никаких не наций», или – лирика российского раздолья, ненавистная, как Есенин, чья популярность уже затмевала его собственную... К «Ревизору» – то он ведь отнесся гораздо более снисходительно, почти благосклонно...

Я Вам очень верю и, повторяю, буду обо всем этом думать и думать – летом, когда вырвусь из суеты бесчисленных дел. Благодарю Вас всем сердцем!

Верю Вам и тогда, когда Вы пишете по «второму вопросу повестки дня» – о Кузякиной. Читаете ли Вы по-украински? Если читаете, то я Вам вышлю ее книгу о Кулише, и Вы убедитесь, что ее профессиональные возможности я не завышаю: книга интереснейшая, острейшая. Другой вопрос, что в сфере живого театра она, вероятно, ориентируется хуже: дает себя знать Киев, тамошний уровень, может быть, некоторая предвзятость. Кроме того, она ужас как неловка, угловата и, думаю, сделала много глупостей, оказавшись в Ленинграде...

Но когда она оказывается у нас с Таней, она быстро теряет свой апломб и тогда становится видно, что под защитной окраской внешнего высокомерия прячется человек очень в себе неуверенный, жадно ищущий, честный, страдающий от одиночества, от того, что не с кем поговорить по душам. Скажите Гале, что вовсе незачем удовлетворять ее просьбы, когда речь идет о каких-то приезжих, желающих попасть в БДТ. Пусть сама звонит

²⁵ На конверте приписка И.И. Шнейдермана: «Копия ответа от 4/III-77 – в выпусках о М-де. Там же ответ от 9/II-77».

²⁶ Речь идет об отклике Шнейдермана, прочитавшего статью о «Лесе», и о рукописи будущей книги «Мейерхольд», изданной в 1981 г. в серии «Жизнь в искусстве».

Мейерхольдовские чтения

Дине Шварц²⁷, ничего с ней не делается. Я хотел бы совсем другого: чтобы Галя иной раз – при случае – по-человечески ее приласкала, приветила, если, конечно, самой Гале это психологически не трудно.

Мы оба – и Таня, и я – шлем Вам с Галей самые нежные приветы. Больше всего хотим, чтобы Ваше здоровье шло на поправку.

Н.А. Дмитриевой я сказал, как высоко Вы оценили ее статью (тем более что согласен с Вами на тысячу процентов). Она вообще человек невероятного дарования. Ей было очень приятно узнать, что Вы ее прочли и похвалили, и она много меня про Вас расспрашивала. Ужас ведь состоит в том, что никто никого не читает. Мой «Лес» прочли хорошо, если 10 человек. И даже такой уникальный автор, как Н.А. Дмитриева, остро нуждается в поддержке. «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...» И Ваше сочувствие мне было даже, без преувеличения, «как благодать».

Ваш К. Рудницкий
23 февраля 1977 г.

9²⁸

26 марта 1977

Дорогой Исаак Израилевич!

Спасибо Вам за письмо: эпистолярные беседы с Вами очень оказались внутренне для меня необходимы²⁹. Многие годы (вот уже лет 15) занятий Мейерхольдом образовали какую-то душевную коросту, какую-то разобщенность между ним – и мною. Возникла определенная инертность мысли, может быть, даже тупость, особенно в сфере проблем стилистических. А Вы как-то неожиданно свежо и остро заговорили об этом и, надеюсь, вскоре, когда я снова засяду за рукопись, Ваши мысли заставят

меня многое увидеть в несколько непривычном и потому – выгодном ракурсе. Правда: я *очень* за это признателен Вам.

Если будет охота, взгляните в № 3 «Искусства кино» мою статью о Шукшине³⁰. Это – тот редкий у меня случай (может быть, всего второй или третий в жизни), когда я – собой доволен. А кроме того, статья чудом успела выйти: Вл. Соловьев, с которым я полемизирую³¹, объявил, что уезжает вовсе!..

Не подумайте, Бога ради, что я прошу похвалы или хотя бы отзыва. Просто, если будет время и охота – полистайте. Возвращаться к этой теме я не собираюсь. Но подтекст всего этого сочинения для меня был важный: «Почему я-то не уезжаю?!» (Помните горестно-убогую статью М.А. Лившица «Почему я не модернист?»³² Вот, кстати, феномен: интеллект острейший, а чувства, ощущения искусства – ни на грош...)

Шлю Вам самые сердечные приветы свои и Т.И. Галю, если она не возражает, нежно целую.

Ваш К. Рудницкий
26. III. 77.

10

27 апреля 1977

Дорогой Исаак Израилевич!

На этот раз роли меняются: я буду Ваш рецензент. Ибо я с огромным удовольствием прочитал Вашу прекрасную статью о Гзовской³³. Книгу эту мы купили давно, но ее тотчас же (Крэг!) уволокла к себе Таня, и только сейчас мне удалось ее выцарапать³⁴. Вы написали и глубоко, и умно, причем сумели сказать много нового и о К.С., и о самой Гзовской, и о «Саломее» и о «системе». Жаль, что я не знал об этой Вашей работе – я бы подкинул Вам занятные выписки из

²⁷ Д.М. Шварц – многолетний завлит ленинградского БДТ.

²⁸ Приписка Шнейдермана на конверте: «ответил 12/IV-77».

²⁹ См. выше письмо Шнейдермана от 4 марта 1977 г.

³⁰ Статья Рудницкого «Проза и экран. Заметки о режиссуре Шукшина» напечатана в журнале «Искусство кино» (1977, № 3).

³¹ Рудницкий полемизировал со статьей В.И. Соловьева «Феномен Василия Шукшина. В дополнение к сказанному» (Искусство кино, 1976, № 10 и 12).

³² Статья М.А. Лившица «Почему я не модернист» напечатана в «Литературной газете» 8 октября 1968 г.

³³ Статья Шнейдермана «В годы расцвета» напечатана в виде предисловия к книге «О.В. Гзовская. Пути и перепутья. Портреты. Статьи и воспоминания о О.В. Гзовской» (М., 1976).

³⁴ Т.И. Бачелис работала над книгой «Шекспир и Крэг», изданной в 1983 г.

дневников Теляковского (учтите, кстати, что полный их текст всегда мне доступен)³⁵. Нелидов³⁶ там выглядит, кстати сказать, куда хуже и гаже, чем в его «Воспоминаниях» – причесанных и снисходительных ко всем³⁷.

В «казусе» Гзовской и МХТ Вы все же по-моему несколько сгладили одно обстоятельство: то, что Гзовская «купила» Станиславского фанатическим (но искренним ли?) желанием учиться системе именно тогда, когда внутри МХТ от системы шарахались и к экспериментам К.С. относились скептически. Отсюда – невероятная влюбленность К.С. в Гзовскую, случай, почти единственный во всей его биографии. Да и вообще многое проистекло из этого «театрального романа»...

Очень хороша, прекрасна ирония, с которой Вы пишете об

отъезде Гзовской за границу в 1920 году «во имя высокого искусства».

Случилось так, что я разговаривал с Гзовской в Малеевке накануне ее смерти. Днем говорили с ней, а ночью вдруг умерла³⁸. Привирала много, увлеченно и очень забавно. Негодовала, что Крупская неверно передала впечатления Ленина на ее концерте, уверяла, что Ленин восторженно ее хвалил и особенно восхищался тем, что в холодном, заиндедевшем помещении она, Гзовская, выступала с голыми руками и большим декольте, в длинном вечернем платье. А она-де ответила: В.И., я – артистка, я должна быть красива и в жару, и в стужу!

Спасибо Вам большое за то, что похвалили моего Шукшина. Никто не читает эту статью (хотя это тот редкий случай, когда мне самому нравится!) – может быть, потому, что в последнее время о Шукшине слишком много пишут и всем надоело читать?..

Что касается Вл.Соловьева, то я очень рад, что так получилось, т.е. что его поведение до конца объяснило его позицию. Он – пустой, глупо самовлюбленный человек...

Книга Строевой проходила и правда трудно из-за ее собственной дикой оплошности. Она дала клише (клише!!) – автограф из записей К.С. по «Каину»: «Большевики обещали мир, развязали братоубийственную войну. Каин – большевик, Ленин». Тут началось нечто неопишное. Объяснять всем и каждому во всех инстанциях, что у Байрона Каин – положительный герой, было бесполезно, хотя проповали. Но ведь клише так бьет в глаза! И в результате Марианна отделалась легким испугом (строгий выговор от Дирекции за халатность) и теперь уехала на полтора

Г.Л. Рудницкий

³⁵ Рукопись дневников В.А. Теляковского хранится в ГЦТМ им. А.А.Бахрушина; еще в 1960-е годы по инициативе Рудницкого задумывалось издание дневников и была сделана почти полная машинописная копия их текстов.

³⁶ В.А. Нелидов – первый муж О.В. Гзовской.

³⁷ Рудницкий противопоставляет дневники В.А. Теляковского его книге «Воспоминания», переизданной в 1965 г.

³⁸ О.В. Гзовская скончалась 2 июля 1962 г.

Мейерхольдовские чтения

месяца в Париж, но книгу разглядывали в лупу и выкинули кое-что совсем зря. И все-таки, Вы правы, книга очень хорошая, богатая новыми материалами и, в конечном итоге, я за Марианну очень рад³⁹.

А весь инцидент сохраните, пожалуйста, в секрете. Разговоров о нем слишком много, они могут книге сильно повредить.

В ближайшие года полтора Вам не придется, думаю, читать мои сочинения: все написанные статьи либо напечатаны, либо уже напечатаны не будут, и я засел за книгу.

Шлю Вам и Гале самый сердечный привет. Таня Вас нежно приветствует, утопая в Крэге.

Будьте здоровы обязательно!

Ваш *К. Рудницкий*

27/IV-77.

11

3 января 1978

Дорогой Исаак Израилевич!

Наша переписка что-то зачала?! Конечно, виноват я, очень загнанный и не успевающий сладить с работой.

Все равно, хочу, хоть и с запозданием, поздравить Вас и Галю с Новым годом. Мы с Таней оба желаем Вам здоровья, душевного покоя, труда, способного принести удовлетворенность...

Будьте счастливы!

Ваш *К. Рудницкий*

3.I. 78.

12

15 января 1978

Дорогой Исаак Израилевич!

Я пошутил по поводу ленинградских взаимоотношений, вовсе не желая Вас задеть или огорчить и меньше всего намереваясь изобразить Москву, как некую идиллию. Как Вы догадываетесь, у меня было

много случаев познакомиться с московскими нравами. И врагов у меня более, чем достаточно, причем такие, как Зубков или Абалкин, Велехова или Толченова даже в счет не идут, это просто мусор, вроде Ростоцкого...

Я совсем другое имел в виду. В Москве довольно много моих товарищей по профессии (назову подряд, наудачу, может быть и забуду кого – Строева, Анастасьев, Соловьева, Зингерман, Полякова, Туровская, Гаевский, Родина, Шах-Азизова, Лакшин, Турков, Крымова и т.д.), с которыми я очень часто расхожусь во мнениях, но которых по-человечески просто люблю. Иных вижу чаще, иных реже, но знаю – свои. Могут не согласиться, но не предадут. Мне легко было бы еще и еще расширять этот перечень и за счет старших (Аникст), и за счет младших (гениальная Пиама Гайденко, хотя бы, Ракитина, Владислав Иванов, которого Вы еще узнаете) и за счет коллег «из соседних цехов». (Впрочем, и Гайденко – философ). В Ленинграде, то ли потому, что коллег вообще меньше, то ли потому, что ленинградская традиционная вежливая дистанция себя оказывает, то ли потому, что я просто плохо знаю многих, все мне кажется как-то сложнее и деликатнее, что ли. И люди, которые – по моей гипотезе – могли бы быть близки, оказываются чуждыми друг другу.

Ближайший пример – Кузякина, которую я знаю давно и хорошо, талантливая, смелая, честная (одна ее книжка о Кулише чего стоит!), простейшая и добрая, к моему изумлению в Ленинграде остается совсем одна. Заносчива? Не могу поверить, может быть, только от стеснительности, зажатости,

³⁹ Монография М.Н. Строевой «Режиссерские искания Станиславского. 1917–1938» печаталась в издательстве «Наука» (М., 1977). Копия упомянутого клише, хранившегося в редакции, была приложена к анонимному доносу, направленному в какую-то из вышестоящих инстанций, что имело целью поставить под удар и автора, и редакцию, и институт.

Pro memoria

ощущения своей провинциальности? Ну, Бог с ней, этого уж не поправишь.

Вы чувствуете фальшь в «Подранках»? А мне кажется насквозь манерным и сделанным на «фестивальный вкус» «Пианино»⁴⁰. Да, мы не всегда сходимся во мнениях. Но может ли быть иначе? И не с Зубковыми же спорить – лучше с людьми!

А что касается Палиевского и всех бесов, которые клубятся вокруг него, то я их не боюсь. Не потому, что могу «возделывать свою грядку», а потому, что могу и буду говорить свое и другое.

Мы с Таней оба шлем Вам и Гале самые сердечные приветы.

К. Рудницкий

15.I. 78.

13

30 января 1978

Дорогой Исаак Израилевич

Не надо, Бога ради, понимать меня так, будто я хочу на Вас, больного и занятого, взвалить заботы о Кузякиной. Вам – не до того, я это прекрасно понимаю. Упомянул Кузякину только как пример «холодности» Ленинграда в целом. А книга ее – на украинском языке. Если это для Вас не препятствие, то, уверен, книга Вас заинтересует. Просто позвоните ей, и она сама Вам передаст через Галю. Но тратить Вам свои душевные силы в этом случае незачем. «Образуется», как говорил, кажется, Стива Облонский.

Фильм Райзмана я тоже не видел⁴¹. И даже «Месяц в деревне» не видел: Эфрос меня не звал, а я в таких случаях только радуюсь. Зато я видел его фильм по Битову «В четверг и больше никогда» – ужасный, по-моему: на полпути от Чехова к Бергману и – ничего своего, ничего живого. Тоска смертная.

Если бы Вы себя в мой легкомысленный список «не занесли», то сделали бы грубую ошибку: в моей жизни связь с Вами, пусть на расстоянии, очень много значит. И когда Вы лет двадцать назад написали мне, что Вам понравилась моя книжка о Сухово-Кобылине (теперь уже совсем устаревшая, конечно), то *ничья* похвала так не обрадовала меня. А никакого иного смысла в этом списке нет: мой «контекст», вот и все.

Спасибо Вам за благожелательность по отношению к Марине Ивановой⁴², она человек редчайший, благороднейший. Впрочем, уверен, что Вы с ней знакомы, должны быть знакомы.

Нового у нас мало, и новости грустные: Вот умер вдруг Юрий Ханютин⁴³. Работаем, как всегда. Шлем Вам и Гале самые нежные приветы!

Ваш К. Рудницкий

30.I. 78г.

14

14 февраля 1978

Дорогой Исаак Израилевич!

Я передал Ваше замечание М.С.Ивановой, и она исправит свою оплошность во вступительном слове, а так как И.Н. Виноградская – ее оппонент (вместе с Е.И.Поляковой), то тем самым все точки над *i* будут проставлены в присутствии Ирины Николаевны.

Оплошность эта – случайная, по неопытности. М.С. Иванова – человек честный до глупости, прямой и щепетильный. Она – зам. директора Бахрушинского музея, Инна Карловна прекрасно ее знала. Вас она очень почитает и, конечно же, вышлет Вам реферат. Превосходная выставка к 100-летию Мейерхольда в Бахрушинском была организована

⁴⁰ О фильме Н.Н.Губенко «Подранки» (1977) Рудницкий писал в «Комсомольской правде» 22 декабря 1977 г.; «Неоконченная пьеса для механического пианино» (1977) – фильм Н.С. Михалкова.

⁴¹ Речь идет о фильме Ю.Я. Райзмана «Странная женщина» (1978).

⁴² Имеется в виду отзыв Шнейдермана о кандидатской диссертации М.С.Ивановой «Вторая студия и процесс обновления реализма МХАТ».

⁴³ Ю.М. Ханютин скончался 21 января 1978 г.

Мейерхольдовские чтения

только благодаря ее – Ивановой – энергии, воле, настойчивости⁴⁴. Такие люди только в музеях и бывают. Министерство выживает ее ожесточенно и злобно, и ее защита – это, прежде всего, защита от Министерства... Ибо зам. директора по научной части – беспартийная, без степени – очень уж уязвима. А музей только ею и держится.

Так что дело Вы сделали доброе и очень важное, и мы все (весь наш пестрый сектор) очень Вам признательны.

Сердечный привет Вам и Гале от нас с Т.И.

Ваш *К. Рудницкий*

14. 2. 78.

15

27 сентября 1978

Дорогой Исаак Израилевич!

Защита Ии Тухарели прошла хорошо, и Ваш отзыв был наиболее интересен из всего, что там зачитывалось и произносилось⁴⁵. Мне – после Вас – несколько неловко было читать свой текст, пустой и формальный.

Ия Тухарели – серьезная, деловая, старательная девица и собрала интересный материал, так что я отнесся к ней, как и Вы, вполне благожелательно. К сожалению, она сейчас уезжает на два года на Кубу и, конечно, все это дело забросит.

Мы с Таней обрадовались, что Вас заинтересовала ее статья, ибо это – первый шаг на крэговскую территорию, которую Таня собирается завоевывать.

Интересного у нас мало. Книга моя лежит в издательстве и, верно, долго еще пролежит. Пишу теперь о русской режиссуре 1898–1917 – сперва для седьмого тома истории русского театра, а потом буду делать книгу на эту же тему, – но это дело затяжное⁴⁶.

В театрах ничего занятого, кроме очень оригинальной и смелой «Вассы Железновой» (первый вариант) в театре Станиславского (реж. Ан. Васильев): злобный русский кошмар, Достоевский *минус* человечность. Ильинского–Толстого мы еще не повидали⁴⁷.

Вообще у нас было тяжелое лето – умерла танина мама, и, хотя ей было 85 лет, мы это с болью пострадали: оба очень ее любили.

Отдыхать собираемся только зимой, хотя устали уже дико. Ну, ничего, как-нибудь переберемся.

Шлю Вам и Гале наши самые сердечные приветы.

Ваш *К. Рудницкий*

27. 9. 78.

16

9 апреля 1979

Дорогой Исаак Израилевич!

Увы, я ничего конкретно не знаю о том, почему не состоялся показ «33 обмороков» Станиславскому. Никаких документов по этому поводу не видел, в архиве Мейерхольда их, скорее всего, нет. Правда, архив огромен, и я не все материалы изучил, но, например, М. Семенова, которая специально занималась «Обмороками» (Вы знаете ее книжку «Чехов и советская литература» (М.-Л., 1966) – у нее целая глава о водевилях у Мейерхольда, и там многие архивные стенограммы процитированы) – Семенова тоже ничего об этом не пишет.

Так что и хотел бы очень Вам помочь, но – не умею!

Гале – самый нежный привет. Из Ленинграда (от Любомудрова?) уже поступила жалоба в Министерство по поводу моего выступления. Ну, мне – не привыкать. Надеюсь 19–20 апреля снова на несколько дней в Ленинград приехать.

Ваш *К. Рудницкий*. 9.IV. 79.

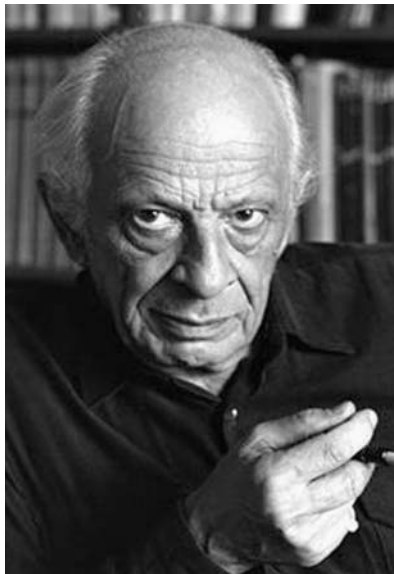
⁴⁴ Об организации выставки к столетию В.Э. Мейерхольда М.С. Иванова рассказала в статье «В Бахрушинском музее» (Мейерхольдовский сборник. Вып. 1. Ч. 1. С. 183–206).

⁴⁵ И.В. Тухарели защищала в Грузинском государственном театральном институте им. Шота Руставели кандидатскую диссертацию «Товарищество новой драмы В.Э. Мейерхольда в Тифлисе в 1904–1906 гг.».

⁴⁶ Седьмой том «Истории русского драматического театра», для которого Рудницкий писал главу «Режиссерское искусство», вышел в свет в 1987 г.; уже после смерти К.Л. Рудницкого издательство «Наука» выпустило его книги «Русское режиссерское искусство. 1898–1907» (М., 1989) и «Русское режиссерское искусство. 1908–1917» (М., 1990).

⁴⁷ И.В. Ильинский сыграл роль Льва Толстого в пьесе «Возвращение на круги своя» И. Друцз, поставленной Б.И. Равенских в Малом театре.

Pro memoria

17

8 января 1982

Дорогой Исаак Израилевич!

Спасибо за поздравления, спасибо за добрые слова. В Новом 82-м году гарантирую Вам отдых от рудницких сочинений, ибо, как Вы понимаете, я не за один год написал то, что вдруг за один год напечаталось: издательская фортуна просто почему-то так странно себя повела⁴⁸. Но теперь уж у меня почти ничего неизданного нет, начинаю новые темы – Таировым вот решил заняться, и это надолго⁴⁹. Рад, что чтение продукции 81-го года не вызвало у Вас чувства оскомины. (Я-то и не перечитываю, боюсь).

Очень желаю Вам всего доброго в Новом году – главное, душевного спокойствия и внутренней гармонии. Не сомневаюсь в том, что Галя поможет Вам ее обрести и сохранить.

Мы с Таней шлем Вам и Гале самые сердечные приветы.

Ваш К. Рудницкий

8 января 1982 г.

18

22 декабря 1985

Дорогой Исаак Израилевич!

Сердечное спасибо за поздравление и за добрые слова о моей статье: Ваше мнение много для меня значит. Это – не дежурная фраза: Вы – один из нескольких всего людей, которым верю, так как знаю, что Вы не смолчите, если не понравится⁵⁰.

Да, рецензии теперь пишу редко – примерно раз в два-три года. Но не только по причинам, изложенным в этой статье. Еще и потому, что некогда – хотелось бы успеть сделать назначенное себе. Еще и потому, что с тех пор, как в Москве нет Любимова, театр наш полинял и выцвел. Вижу теперь, что мы все-таки не до конца понимали значение этого человека.

Шлю Вам и милой Гале самые лучшие пожелания на Новый год от нас с Т.И.

Мы Вас очень любим. Вам верим.

Ваш К. Рудницкий

22. 12. 85.

Публикация Галины Клих.**Примечания Нины Рожковской**

К.Л. Рудницкий

⁴⁸ В 1981 г. вышли книги К.Л. Рудницкого «Проза и сцена» (в издательстве «Знание») и «Мейерхольд» в серии «Жизнь в искусстве». Вторую из них рецензировал Шнейдерман (См.: Монография о режиссере // Театр, 1983, № 7).

⁴⁹ В последующие годы были напечатаны статьи Рудницкого «Творческий путь Таирова» («Режиссерское искусство Таирова.

К 100-летию со дня рождения», М., 1987); «Александр Таиров: конец пути» (Театральная жизнь, 1988, № 21); «Из рукописи о Таирове» (Театральная жизнь, 1991, № 17–20); «“Структурный реализм” Александра Таирова. 20-е годы» (Мир искусства, М., 1995).

⁵⁰ Речь идет о статье Рудницкого «Наша профессия» (Театр, 1985, № 12).